

ЗАМѢТКИ ПО БУДДИЗМУ.

(Продолженіе) ¹⁾.

В. П. Васильева.

V.

Буддійскій пересказъ о женской хитрости.

Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 2 мая 1889 г.

5. Если мы, передавая (въ III-й замѣткѣ), по случаю угощенія б'икшу, предписанія, какъ они должны были благодарить хозяина и чего не говорить, замѣтили, что послѣднія фразы, должно быть, принадлежали народному обычаю въ Индіи, то и во множествѣ другихъ буддійскихъ легендъ нельзя не замѣтить, хотя бы, можетъ быть, нѣсколько и переименованныхъ, народныхъ преданій.

Если мы находимъ въ буддизмѣ огромную литературу, какъ напр. «Перерожденія будды» (Чжатаки), «Море притчъ» и проч., старающуюся подтвердить его идеи сказаніемъ о происшествіяхъ въ небывалыя времена и даже во время мірозданія, то гдѣ искать начала или зародыша этихъ сказаній? Такъ какъ нельзя не признать, что первоначальная жизнь буддистовъ ограничивалась самыми простыми требованіями нищенства, развившимися впоследствии въ огромный кодексъ, называемый сперва прати-мокшей, а потомъ винаей (виная виб'анга и виная васту), то, если мы находимъ въ нихъ такое обращеніе къ объясненію настоящаго факта, потребовавшего установленія предписанія или

---

¹⁾ См. Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. LIX, кн. 2, стр. 49.

обѣта, прошлымъ событіемъ, то мы и думаемъ, что легенды этого рода, встрѣчаемыя въ винаяхъ, и послужили стимуломъ или руководствомъ къ составленію всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненій. Виная Пипоша лунь, на примѣръ, полна рассказовъ о прежнихъ перерожденіяхъ Девадатты въ подтвержденіе его неблагодарности, но она можетъ считаться уже болѣе поздней, такъ какъ хочетъ объяснить фактъ раскола, происшедшаго въ буддизмѣ. Между тѣмъ, если мы находимъ такое обращеніе къ древнимъ происшествіямъ по случаю какого-нибудь устава въ аскетической жизни б'икшу, то мы, кажется, имѣемъ право считать такую легенду болѣе древней. Въ другомъ мѣстѣ мы обращаемъ вниманіе на то, что только китайскіе переводы буддійскихъ книгъ даютъ намъ возможность приблизительно судить о времени, когда въ буддизмѣ появилось какое ученіе; если книга была переведена въ одной редакціи раньше, и даже нѣсколькими столѣтіями, другой, то, очевидно, мы имѣемъ право если не утверждать, то подозрѣвать, что послѣдняя редакція выработалась уже послѣ, при существованіи первой.

Только въ китайскихъ переводахъ мы находимъ варіанты буддійскихъ редакцій, потому что китайцы не старались отличаться послѣдованіемъ одной какой-либо школы. Вѣроятно въ Цейлонѣ или Бирманѣ мы имѣемъ только одну редакцію винаи, какъ и въ Тибетѣ, тогда какъ въ Китаѣ ихъ нѣсколько.

Вотъ почему намъ показалось очень интереснымъ по этимъ вопросамъ передать легенды, опущенныя въ другихъ винаяхъ, но встрѣчаемыя въ самой первой редакціи, переведенной въ началѣ V вѣка нашей эры, въ винаи Махасангиковъ, тѣмъ болѣе, что въ этой передачѣ предполагаемъ не исключительно одинъ буддійскій вымыселъ, а скорѣе пользованіе буддизма народными сказаніями.

Первымъ дѣломъ винаи, какъ мы знаемъ, было объяснить, когда и почему установлены обѣты, принимаемые на себя б'икшу по извѣстной пратимокшѣ. Это виная виб'анга. По смыслу этихъ винаи выходитъ, что всѣ постановленія вызваны были провинностями

б'икшу, случившимся еще при жизни ихъ учителя, т. е. будды Шакіямуні. Онъ то и дѣлаеть самое постановленіе; мало того: грѣхи перечисляются по порядку ихъ религіозной важности; предполагается, что въ этомъ же историческомъ порядкѣ шли и нарушенія. Нѣтъ грѣха важнѣе нарушенія целибата; его учиняеть въ городѣ Вайшали Яса (въ другихъ винаяхъ Судина; но мы думаемъ, что этотъ варіантъ имени не безъ причины) сынъ Калавты. Яса заходитъ въ домъ родительскій по случаю всеобщаго голода въ странѣ, и мать Ясы подговариваетъ его бывшую жену соблазнить его, что и удается. Когда преступленіе доходитъ до свѣдѣнія будды, онъ дѣлаеть извѣстное постановленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ рассказываетъ, что Яса не въ первый разъ уже подаетъ поводъ къ нарушеніямъ, что это былъ тотъ легкомысленный геній между сошедшими съ неба духами, освѣщавшимися собственнымъ свѣтомъ, который подалъ поводъ къ принятію земной пищи, отчего ихъ тѣло отяжелѣло, они лишились своего свѣта, предались страстямъ, потерявъ силу чудотвореній; появились солнце, луна, звѣзды, день и ночь, новолуніе и полнолуніе, весна, зима, осень и т. д.

Будда говоритъ, что мать Ясы не только на этотъ разъ хитростью увлекла своего сына, но и въ прежніе вѣка тоже его обманывала... Въ древнее время былъ городъ, по имени Полонай (Бенаресъ) въ царствѣ, по имени Каши. Царь Даминъ чэнъ (Махāvāма Яса?) не имѣлъ враговъ, занимался подаваніемъ, соблюденіемъ обѣтовъ, управлялъ народомъ съ любовью, держалъ домъ въ порядкѣ. Однажды первая жена его, вставши рано, взошла на башню и, смотря на звѣзды, увидала, какъ златоцвѣтный царь оленей пролетѣлъ по воздуху, съ юга на сѣверъ. Царица, увидавши это, подумала: «если бы мнѣ достать кожу златоцвѣтнаго оленя, я бы сдѣлала изъ нея подстилку и была вполнѣ счастлива, а если не добуду, то къ чему мнѣ и званье царской жены!» Потомъ еще подумала: «кто повѣритъ, если я скажу, что видѣла златоцвѣтнаго царя оленей!—Олень, дескать, не можетъ летать по воздуху, кто летаетъ по воздуху, того нельзя назвать оленемъ». Въ горѣ о

томъ, что ей не повѣрятъ, она сняла свои фермуары, надѣла грязное платье и удалилась въ комнату печали. Царь, по окончаніи дѣлъ правленія, воротившись изъ зала въ свои покои, не видитъ первой жены и спрашиваетъ, гдѣ она; прислуга отвѣчаетъ, что она удалилась въ комнату печалованія. Царь приходитъ и спрашиваетъ ее: «кто тебя обидѣлъ?—Кто бы то ни былъ, вельможа ли, принцъ, или другія жены, прислуга ихъ,—я всѣхъ накажу за тебя жестоко. У тебя теперь нѣтъ ни въ чемъ недостатка; если надобно золота, серебра, драгоценностей, ароматовъ, ожерелій, все дамъ; если хочешь, чтобъ кого убилъ или наказалъ, стоитъ только сказать». Но, несмотря на всѣ вопросы, царица ничего не отвѣчала. Царь, вышедши отъ нея, сказалъ прочимъ женамъ, вельможамъ, принцамъ и другимъ: «подите, спросите, чего ей надо». Всѣ пристали, а царица молчитъ по прежнему. Царь отправляетъ старую приближенную служанку (青衣 черное платье); она выросла въ царскомъ дворцѣ и была очень ловкая; войдя въ покой царицы, она сказала: «ты зависишь отъ царя, какъ же не отвѣчаешь на его вопросы? Если что надо, какъ не получить! Если кто обидѣлъ тебя, вельможа, или принцъ, или другія жены, и хочешь, чтобы ихъ убили или наказали, то должно сказать; молчать съ досады, какъ бы не вышло худо. Вѣдь, если жена умираетъ, то царь никакъ не можетъ съ ней умереть, — погорюетъ нѣсколько мѣсяцевъ или дней, а потомъ, въ государствѣ есть у кшатріевъ, браминовъ, старшихъ гражданъ дочки стройныя, красивыя, и въ наслажденіяхъ съ ними онъ забудетъ печаль. Право же, царица, ты понапрасну умрешь. Если нѣмой во снѣ увидитъ сонъ, то кто разгадаетъ; точно также и ты, царица, не говоришь, трудно узнать». Царица, выслушавъ служанку, подумала: «вѣдь она говоритъ дѣло», потому сказала: «нѣтъ, у меня другое въ мысляхъ, почему и не говорила; ты послушай-ка: недавно утромъ, когда, взойдя на башню, я разсматривала звѣзды, увидела златоцвѣтнаго царя оленей, летящаго съ юга на сѣверъ по воздуху. Если я скажу, что видѣла оленя, могущаго летать, кто мнѣ повѣритъ? Мнѣ хочется достать его шкуру, чтобъ сдѣлать подстилку, и не могу; вотъ по-

чему я разсердилась, думая къ чему же и быть царицей!»! Когда служанка услышала это, то рассказала царю. Царь, узнавши ея желаніе, весьма обрадовался и обратился къ приближеннымъ министрамъ: кто можетъ достать шкуру златоцвѣтнаго оленя, чтобъ сдѣлать подстилку? Всѣ министры отвѣчали, что надобно спросить охотниковъ. Царь отдалъ приказъ собрать всѣхъ охотниковъ изъ всего государства. Какъ говорится въ гатѣ:

Небожителямъ стоитъ подумать,
Царю приказать,
Богатому купить,
А бѣдному потрудиться.

По царскому повелѣнію собрались всѣ охотники и спрашиваютъ царя: что ему угодно? Царь сказалъ, что ему поскорѣе нужна шкура златоцвѣтнаго оленя на подстилку, чтобы отыскали ее тотчасъ. Охотники просили удалиться для совѣщанія объ исполненіи царскаго желанія. Когда они ушли, то сказали другъ другу: «Слыхалъ-ли, или видѣлъ-ли кто, когда-нибудь, златоцвѣтнаго оленя?» Всѣ сказали: «Съ тѣхъ поръ, какъ наши прадѣды охотятся, никто не слыхивалъ и названія златоцвѣтный олень, не только что видѣть!» Тогда охотники условились отвѣчать царю единогласно, что... но какъ говорится:

Царская сила неограничена,
Желанія его: — приказанія!

Царь приказалъ судьямъ взять всѣхъ охотниковъ, связать и посадить въ темницу. Въ это время былъ одинъ охотникъ, по имени Шань-ду (шэ, чжэ 剛剛), бодрый, сильный, перебѣгавшій животныхъ, не промахивавшійся при стрѣльбѣ въ летящихъ птицъ. Онъ подумалъ: «мой товарищи безъ вины попали въ тюрьму, надобно прибѣгнуть къ хитрости, чтобъ избавить ихъ отъ этой напасти. Надобно доложить царю, что я согласенъ отыскать оленя; если отыщу, такъ ладно; а если не отыщу, то пушусь странствовать (убѣгу), а между тѣмъ товарищи освободятся»; по-

тому и доложилъ царю: кто видѣлъ и слышалъ о золотомъ оленѣ? Царь сказалъ: «поди самъ, спроси царицу». Тогда охотникъ, придя во дворецъ къ царицѣ, спросилъ: «кто видѣлъ златоцвѣтнаго оленя?» Царица сказала: «сама видѣла»... «Гдѣ?»... «Онъ летѣлъ по воздуху съ юга на сѣверъ». Тогда охотникъ, хорошо изучившій свойства животныхъ, понялъ, что этотъ олень ночуетъ на югѣ, а питается на сѣверѣ, что нечего его искать на ночлегѣ, а развѣ поймать тамъ, гдѣ питается. Взявъ свой лукъ и стрѣлы, онъ мало по малу сталъ направляться къ сѣверу и пришелъ въ снѣжныя горы (Хималая). Въ это время въ нихъ жилъ Риши, гдѣ были ключи, прудъ для омовенія, превосходные цвѣты и плоды. Риши двумя способами подавлялъ свои страсти: онъ подвизался и жилъ въ тишинѣ (одиночествѣ). Охотникъ, спрятавъ свое вооруженіе, одѣтый какъ обыкновенно, пришелъ къ Риши съ поклономъ. Риши, такъ какъ, живя между горъ и озеръ, давно не видалъ людей, весьма обрадовался приходу охотника, усадилъ его, подчивалъ сладкими плодами и вкусными напитками. Вступивъ въ разговоръ, охотникъ спросилъ, давно ли онъ тутъ живетъ; тотъ отвѣчалъ, что прошло вотъ столько-то времени; затѣмъ первый освѣдомился, что, съ того времени какъ живетъ, вѣрно видалъ что-нибудь необыкновенное? — Тотъ отвѣчалъ, что видывалъ. — «Что же такое?» Риши отвѣчалъ: «на югѣ этихъ горъ есть дерево нягрод'а, на которое постоянно прилетаетъ златоцвѣтный царь оленей, питается его листьями, — наѣстся и улетитъ». Охотникъ, услыхавъ это, весьма обрадовался и подумалъ: «это непременно видѣнный царицей златоцвѣтный олень. Теперь, какъ мнѣ удалось услышать, мои желанія начинаютъ осуществляться». Потомъ онъ, обратя разговоръ на другое, опять спросилъ, какъ ведетъ дорога къ дереву нягрод'а. Риши подробно рассказалъ направленіе. Выслушавъ это, обрадованный охотникъ удалился, пожелавъ Риши всего хорошаго; взявши охотничьи снаряды, онъ сталъ подвигаться впередъ; издали уже увидѣлъ густолиственное дерево, покрывавшее своими вѣтвями огромное пространство. Подойдя къ дереву, сталъ отыскивать царя оленей, но нигдѣ не ви-

дѣлъ ни слѣдовъ его, ни побѣденнаго мѣста. Послѣ того какъ онъ сталъ высматривать подъ деревомъ, вскорѣ увидалъ царя оленей, парящаго, какъ царь аистовъ (鷹), по воздуху. Онъ садится на дерево, свѣтомъ его освѣщаются горы и долины; паѣвшись листьевъ, онъ отлетаетъ на югъ. (Охотникъ), думая про себя: «это дерево высоко, до его (вершины) нельзя достать ни сѣтями, ни стрѣлами; какъ же достать? Ворочусь-ка въ Бенаресъ, тамъ есть умные и достойные вельможи и принцы, спрошу ихъ». Воротившись, докладываетъ царю, что дѣйствительно, какъ видѣла царица; только тамъ, гдѣ садится олень, не достать его ни сѣтями, ни стрѣлами. Царь послалъ его къ царицѣ, она спросила его, гдѣ садится олень. «На вершинѣ дерева нягрод'а». Какъ говорится:

У кшатрїя сто хитростей,
 У брамина же ихъ вдвое;
 У царя тысяча средствъ,
 А уже нѣтъ имъ и счета у женщины¹⁾.

Царица отличалась большими выдумками, потому научила охотника: «ты возьми меду и намажь имъ листья того дерева. Олень, услышавъ запахъ меду, непременно станеть, съѣвши вверху, спускаться внизъ, гдѣ ты поставь сѣти». Охотникъ послѣдовалъ наставленію: воротившись съ медомъ, взлѣзъ на дерево и намазалъ листья. Олень сталъ поѣдать листья, намазанные медомъ, не трогая ихъ, гдѣ не было намазано; такимъ образомъ мало по малу и спустился внизъ. По истинѣ:

Дикое животное довѣряетъ носу,
 Браминъ (фанъджи) полагается на гадательныя книги,
 Царь вручаетъ дѣло судьямъ,
 У всякаго есть свои довѣренныя.

---

¹⁾ Ужъ вѣрно эта гата родилась не между буддистами!

Олень, спускаясь мало по малу, дошелъ до сѣтей и попался въ нихъ. Охотникъ сталъ разсуждать: «если я, убивъ его, возьму только шкуру, такъ это не важно; надобно привести его живаго». Когда охотникъ проходилъ съ заключеннымъ въ клѣтку оленемъ мимо хижины Риши, этотъ, увидавши издали, со вздохомъ сказалъ: «вотъ несчастный! Могъ летать по воздуху, а не могъ избѣжать рукъ этого дурнаго человѣка!» Потомъ спросилъ охотника: «тебѣ на что онъ?» Охотникъ отвѣчалъ: «Первой женѣ царя въ Каши понадобилась шкура этого оленя, чтобъ сдѣлать подстилку». Тогда Риши сказалъ: «ты думаешь, что, какъ этотъ олень умретъ, такъ останется тотъ же цвѣтъ? Нѣтъ, онъ такой только отъ того, что въ немъ есть духъ жизни! Веди его живымъ для полученія награды». Еще спросилъ: «какой хитростью ты его поймалъ?» — «Такъ-то... Тогда Риши, столь любящій добро, неимѣющій ничего дурнаго, изъ сожалѣнiя, что женщина можетъ чинить такую хитрую и злую выдумку, горюя, что олень изъ жадности къ вкусному подвергся напасти, провнесъ слѣдующую гату:

Самое большое зло въ мирѣ
 Происходитъ отъ ароматовъ и вкуснаго.
 Хитрость женщины
 Простирается даже на лѣсныхъ звѣрей;
 Изъ за ароматнаго и вкуснаго
 Попасться въ такую напасть!

Охотникъ спросилъ: «какъ мнѣ кормить этого оленя, чтобы живымъ привести въ царство?» Риши отвѣчалъ: «корми его листьями, намазанными медомъ, а когда придешь въ мѣста, обитаемыя людьми, то медомъ съ булками». Такимъ образомъ онъ прибылъ въ свое государство. Олень казался величавымъ, цвѣта небеснаго(?) золота, рога бѣлые, какъ кристаллъ (瑠璃), глаза красные; всѣ, кто видѣлъ, удивлялись. Когда, онъ прибылъ въ Бенаресъ, царь, узнавши о прибытiи оленя, приказалъ выровнять въ городѣ дороги, вымести, вспрыскать, курить ошимагомъ, звонить въ колокола, бить въ барабаны и отправился на встрѣчу царю оленей.

Бросившихся смотрѣть была туча, всѣ восторгались и поздравляли царя съ прибытіемъ великаго счастья издалека. Когда царица увидала, то не могла удержаться, запрыгала отъ радости и отъ глубины чувства обняла царя оленей. Но тутъ отъ тяжести (влеченія) древней страсти золотой цвѣтъ того оленя исчезъ¹⁾. Царь сказалъ царицѣ: «отчего это измѣнился вдругъ цвѣтъ этого оленя?» Царица отвѣчала: «этотъ олень ненужная вещь (無施之物)». Потому его и отпустили.

Будда сказалъ: «олень того времени никто другой, какъ бикшу Яса, а царица — его мать».

VI.

Вотъ и другой разсказъ изъ той же винаи Махāsангиковъ, съ виду какъ бы вовсе не похожій на предыдущій, но, намъ кажется, все также имѣющій связь съ разсказомъ о Кароштѣ и еще болѣе доказывающій заимствованіе буддизмомъ своихъ легендъ изъ народныхъ сказаній.

Знаменитый ученикъ будды Нанъти занимается созерцаніемъ 7 лѣтъ и уже готовъ получить степень архана, какъ является демонъ въ видѣ апсарасы (天女) и увлекаетъ его до скотоложства, скрывшись въ палой лошади. Послѣ послѣдовавшихъ по этому постановленію, бикшу обращаются къ буддѣ съ вопросомъ: «почему такъ давно упражнявшійся въ созерцаніи Нанъти введенъ въ соблазнъ этой апсарасой?» — Будда отвѣчалъ: «этотъ Нанъти не только нынѣ отступилъ отъ брахмачаріи, но и въ древнее время также терялъ отъ того же... Въ древности былъ городъ по имени Полонай (Бенаресъ) въ царствѣ Каши.

¹⁾ Кажется, этотъ эпизодъ имѣетъ связь съ разсказомъ о Кароштѣ, родившемся отъ царицы и осла.

Въ это время въ южной странѣ, въ царствѣ Аваньти былъ покинувшій міръ еретикъ Кя-ѣ (Каціяпа)¹⁾ — умный, многознающій, опытный въ писаніяхъ, во всѣхъ искусствахъ. Онъ помогъ царю въ управленіи государствомъ. Въ это время царь подвергалъ строгимъ наказаніямъ пойманныхъ злодѣевъ, налагалъ на нихъ различныя наказанія, то отрубая руки или ноги, то отрѣзывая уши и носы. Глубокотронутый еретикъ подумалъ: «я уже отказавшійся отъ міра, зачѣмъ я буду участвовать съ царемъ въ такихъ дѣлахъ!» Потому и доложилъ царю: «позволь мнѣ удалиться отъ міра». Царь сказалъ: «вѣдь ты ужъ отказавшійся отъ міра, зачѣмъ тебѣ еще уходить?». Тотъ отвѣчалъ: «я теперь участвую въ такихъ казняхъ и наказаніяхъ живыхъ существъ, какой же я оставившій міръ!». Царь спросилъ: «ты какого пути хочешь быть оставившимъ міръ?». — «Хочу быть Риши». Царь согласился. Недалеко отъ города находилась стовершинная гора, съ текущими ключами, съ озеромъ для умыванія; цвѣты и плоды великолѣпные. Предоставленный своей волѣ, прибывъ на эту гору, Кя-ѣ воздвигъ арапія. Занимаясь еретическимъ путемъ, онъ приобрѣлъ обыкновенную діяну и 5 чудотворныхъ. Въ послѣдней весенней лунѣ отъ питанія плодами и ягодами его здоровье разстроилось, и у него съ маленькой нуждой вышло сѣмя. Въ это время стадо оленей по случаю похоти дралось между собой; (одна), отъ жажды ища воды, выпила ту урину, и сѣмя попало на языкъ, она и проглотила. Судьбы живыхъ существъ непостижимы! Потому, забеременивши, поѣдала траву и пила воду постоянно около хижины; когда наступилъ срокъ, родила мальчика. Въ это время Риши вышелъ собирать плоды; а олениха отъ трудныхъ родовъ издавала жалобные стоны. Риши услышавши подумалъ, что ее

---

¹⁾ Кажется здѣсь имена приводятся не даромъ; — выше мы видѣли Ясу, а одинъ Яса обличилъ отступниковъ бикшу въ городѣ Вайсали и тѣ, однакожъ, какъ видно, непослушавшіеся, а составившіе большинство (Махасангики) заклеили его имя, по крайней мѣрѣ, какъ самаго главнаго преступника. Не всѣ рассказы винай отзываются также благосклонно и о Каціанѣ, считаемомъ преемникомъ будды.

укусило вредное насекомое и бросился спасать. Тогда, увидав мальчика, удивился и подумалъ: «какимъ образомъ животное могло оплодотвориться человѣкомъ?» Погрузившись въ созерцанье, увидѣлъ собственное дѣло. «Такъ это мой сынъ!» Почувствовавъ любовь къ ребенку, завернулъ его въ мѣховое платье и принесъ въ домъ для воспитанія, привелъ и олениху кормить грудью. Мало по малу тотъ выросъ и прозвался: Оленьи пятна (Лу-бань)¹⁾, такъ какъ на тѣлѣ были пятна отъ матери. Достигши семилѣтняго возраста, онъ отличался смиреніемъ, послушаніемъ и уваженіемъ къ старшимъ, челоуѣколюбіемъ, почтительностью къ родителямъ(?!); онъ носилъ плоды и воду для пропитанія Риши. Въ это время Риши подумалъ: «въ мірѣ нѣтъ ничего страшнѣе женщинъ»; потому наставляя сына, внушалъ ему, что разрушеніе правленія, потеря добродѣтелей, — все отъ нихъ. Затѣмъ научилъ созерцанію и 5 чудотворнымъ силамъ.

Всѣ живыя существа
 Не избѣгаютъ смерти,
 По своимъ дѣламъ
 Получая воздаяніе.
 Дѣлающій добро рождается въ небѣ,
 Творящій зло попадаетъ въ адъ.
 Исполняя (же) путь и совершая брахмачарія,
 Прекращаешь связи (съ міромъ—лоу) и достигаешь
 нирваны.

Риши умеръ. Юноша, упражнясь въ созерцаніи, пріобрѣлъ 4 еретическія діяны и 5 чудотворныхъ силъ, и онъ могъ передвигать горы и останавливать потоки, касаться солнца и луны. Въ это (? одно) время Шакрадевендра (Шитихуань инь 釋提桓因), возсѣвши на бѣлаго драконоваго слона, поѣхалъ провѣрять міръ (отмѣчать въ мірѣ): кто почтителенъ къ родителямъ, кто кормитъ

¹⁾ Въ концѣ онъ названъ Кошебиньти.

шрамановъ, браминовъ, отличается раздаваніемъ милостыни, держаніемъ обътовъ, упражненіемъ въ брахмачаріа. При этомъ онъ увидѣлъ молодаго Риши. Богъ неба подумалъ: «если этотъ юноша захочетъ сдѣлаться (求) Индрой или Брамой, такъ ему все доступно. Надобно поскорѣе его испортить, вѣдь:

Всѣ боги, какъ и простые люди,
 Да и всѣ живыя существа
 Подвержены привязанностямъ (узамъ)
 (и также) По смерти получаютъ дурное перерожденіе.
 Всѣ окованы (одержимы) скарденностью (жадностью) и
 завистью.

Въ небесахъ въ трехъ случаяхъ бьютъ въ барабанъ: — когда девы и асуры сражаются, то бьютъ въ первый барабанъ; когда въ саду Кувера (? 俱毗羅) распускаются цвѣты, бьютъ во второй барабанъ; когда собираютъ въ аудиторію преподаванія добраго ученія, бьютъ въ третій барабанъ». Шитихуань инъ ударилъ въ барабанъ преподаванія вѣры, и безчисленные боги всѣ собрались, всѣ спрашивали Индру, что угодно. Индра сказалъ: въ Чжамбудвипѣ явился юноша по имени Лу-банъ съ большими достоинствами, я желаю испортить его». Тогда безчисленные сыны неба, услыжавъ это, опечалились и подумали про себя: «испортить этого человѣка значитъ уменьшить силу небожителей; вѣдь, если между асурами будетъ обладающій спокойнымъ духомъ, такъ и того не должно разбивать». Такимъ образомъ не явилось никого готоваго помочь въ испорченіи. Одинъ сынъ неба прокричалъ: «кто долженъ принять на себя исполненіе?» и кто-то отвѣчалъ: «за это должна взяться апсараса!» Тогда всѣ боги обратили взоры на сады: радости, разноцвѣтный и грубости и призвали тамошнихъ апсарасъ. Собрались сотни и тысячи небесныхъ дѣвъ. Между ними находилась Аланфу — разноцвѣтная, называемая такъ, потому что ея волосы были четырехъ цвѣтовъ: чернаго, желтаго, краснаго и бѣлаго. Эту дѣву отправляли на

Джамбудвипа соблазнить юношу Лу-бан'я. Она (дѣва) сказала: «я съиздавна уже много пересоблазнила занимающихся сподвижничествомъ и лишала ихъ чудотворной силы. Отправьте другую дѣву, красивую и стройную, нравящуюся». Тогда Шакрадевендра снова произнесъ множество гатъ предъ всѣми, повелѣвая апсарасѣ Аланьфу отправиться для соблазненія Кошебиньти. И, апсараса соблазнила...
